А. 183/798

бердников.

2007042008

А 183/798.

ЦЕРКОВНОЕ ПРАВО

А 183/798

КАКЪ ОСОБАЯ,

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ПРАВОВАЯ ОБЛАСТЬ

И

ЕГО ОТНОШЕНІЕ

КЪ

ОБЩЕЙ СИСТЕМѢ ПРАВА.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЛЕКЦІЯ,

ЧИТАННАЯ ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

И. БЕРДНИКОВЫМЪ.

БИБЛИОТЕКА М.П.М.

КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета
1885.

Отдѣльный оттискъ изъ октябрской книжки «Православнаго Собесѣдника» 1885 года.

Въ числѣ потребностей человѣка, удовлетвореніе которыхъ обезпечивается правомъ, первое мѣсто принадлежитъ религіозной потребности. Исторія человѣчества показываетъ, что стремленіе къ общенію съ Богомъ присуще человѣческому духу, на всѣхъ ступеняхъ человѣческаго развитія. А божественное Откровеніе насъ научаетъ, что удовлетвореніе религіозной потребности составляетъ высшую задачу человѣческаго бытія. Сообразно съ своей природой, человѣкъ удовлетворяетъ своей религіозной потребности не духовно только — въ своемъ умѣ и сердцѣ, но и внѣшнимъ образомъ — въ своихъ поступкахъ, — не одной вѣрой въ Бога, не одними чувствами любви, благоговѣнія, преданности, благодаренія и пр., но и богослужебнымъ чествованіемъ Его и исполненіемъ Его заповѣдей. Кромѣ того, человѣкъ и въ богопочтеніи, какъ и въ удовлетвореніи другихъ своихъ потребностей, не можетъ обойтись безъ общенія съ другими себѣ подобными. Так. обр. изъ удовлетворенія религіозной потребности человѣка, какъ это бываетъ при удовлетвореніи другихъ его потребностей, возникаетъ рядъ

правовыхъ отношеній, составляющихъ въ своей совокупности особый сложный правовый институтъ, или лучше правовый организмъ.

Впрочемъ нужно сказать, что до полной обособленности и самобытности достигъ религіозно-правовый институтъ только въ откровенной религіи, въ особенности въ религіозномъ обществѣ вѣрующихъ во Христа, которое называется Церковію Христовою. Въ язычествѣ же религіозныя отношенія переплетались съ житейскими отношеніями. Это зависѣло отъ неправильнаго, слишкомъ низменнаго понятія язычниковъ о Богѣ. Язычники понимали Бога почти исключительно какъ подателя благъ житейскихъ, покровителя въ обыкновенной жизни человѣка, въ его обыденныхъ радостяхъ и интересахъ. У нихъ были особые боги покровители семейнаго очага, покровители различныхъ общественныхъ группъ, обществъ, компаній, городовъ, племенныхъ союзовъ, покровители земледѣлія, разныхъ промысловъ, искусствъ и пр. Каждый изъ этихъ боговъ завѣдывалъ только тою группою людей и сферою интересовъ, гдѣ его чествовали и считали покровителемъ (далѣе этихъ предѣловъ его вліяніе не простиралось). Естественно поэтому, что отношенія человѣка къ божеству у язычниковъ подчинялись обыкновеннымъ правовымъ отношеніямъ, сплетались съ отношеніями семьи, обществъ, товариществъ, городовъ, политическихъ союзовъ, составляя часть этихъ отношеній. Благодаря тому же дѣтскому понятію язычниковъ о Богѣ, у нихъ религіозныя отношенія выражались почти исключительно въ принесеніи богамъ жертвъ и совершеніи различныхъ обрядовъ. Установ-

леніе этихъ обрядовъ зависѣло отъ самаго человѣка, его вѣрованій, находчивости и усердія. Наблюденіе за исполненіемъ установленныхъ обрядовъ и самое совершеніе ихъ принадлежало тѣмъ же лицамъ, которые пользовались властію и авторитетомъ въ семьѣ, обществѣ и государствѣ. Этимъ же лицамъ, каждому въ своей сферѣ, принадлежало право регулированія религіозныхъ отношеній и законодательства въ дѣлѣ культа. Главнымъ источникомъ религіознаго права у Римлянъ считался обычай предковъ (mos majorum), который былъ древнѣйшимъ и главнѣйшимъ источникомъ и всего римскаго права вообще. Однимъ словомъ, въ римскомъ язычествѣ религіозное право (jus sacrum) не составляло особой области или вѣтви права. Оно находилось въ тѣсной связи съ общей системой общественно-правовыхъ отношеній и поэтому распредѣлялось по тѣмъ самымъ категоріямъ, по которымъ было раздѣлено это право. Одна часть священнаго права, касавшаяся государственныхъ отношеній, была отнесена къ jus publicum, другая, соприкасавшаяся съ семьей и другими частно-правовыми обществами и корпораціями, была причислена къ jus privatum.

Другое положеніе заняли религіозныя отношенія по отношенію къ системѣ права въ христіанствѣ. Христіанская вѣра научила насъ, что главное назначеніе человѣка состоитъ въ тѣснѣйшемъ духовномъ общеніи его съ Богомъ въ будущемъ вѣчномъ царствѣ Божіемъ, — что настоящая земная жизнь человѣка съ ея благами и бѣдствіями есть не болѣе какъ приготовленіе къ будущей загробной жизни, что въ этомъ состоитъ ея высшій смыслъ и значеніе. Чтобы дать

человѣку средства къ достиженію указаннаго назначенія, снизошелъ на землю Сынъ Божій, который преподалъ намъ правила вѣры и жизни христіанской и своею крестною смертію избавилъ насъ отъ рабства грѣху, которому мы подпали въ грѣхопаденіи Адама, а для продолженія дѣла спасенія людей на землѣ, Онъ основалъ Церковь, т. е. общество вѣрующихъ въ Его ученіе и исполняющихъ Его заповѣди. Какъ общество видимое, какъ учрежденіе общественнаго характера, Церковь Христова получила отъ Своего Основателя прочную самостоятельную организацію, получила свою власть въ лицѣ апостоловъ Христовыхъ и преемниковъ ихъ — пастырей, имѣетъ свой законъ въ видѣ заповѣдей Господнихъ и апостольскихъ и правилъ св. отецъ, имѣетъ свою правительственную и судебную организацію. Членами Церкви Христовой могутъ быть лица всѣхъ племенъ и народовъ, всѣхъ званій и состояній, мужчины и женщины. Церковь Христова представляетъ собою общество особаго рода, отличное по своему назначенію и характеру отъ другихъ исконныхъ формъ общежитія, совершенно самостоятельное по своему происхожденію и существованію. Она не сливается ни съ государствомъ, ни съ семьей, ни съ какимъ либо другимъ институтомъ общественно-житейскаго характера. Она стоитъ параллельно установившимся формамъ общежитія, имѣющимъ въ виду житейскія назначенія. Соотвѣтственно этому, и правовыя нормы, по которымъ живетъ и управляется Церковь, составляютъ особую область права, стоящую параллельно праву, получающему свое происхожденіе и значеніе отъ государства. Церковныя правила явля-

ются особымъ регуляторомъ христіанскаго общежитія, стоящимъ на ряду съ государственнымъ закономъ.

Но можетъ ли быть еще другой регуляторъ общежитія человѣческаго кромѣ закона государственнаго? На чемъ можетъ основываться сила церковныхъ правилъ кромѣ общей гарантіи всякаго права? Основаніе силы церковныхъ правилъ совсѣмъ другое чѣмъ у закона государственнаго. Послѣдній имѣетъ принудительный характеръ; его значеніе опирается на матеріальной силѣ; его нарушеніе влечетъ за собой наказаніе, соединенное съ очень чувствительными въ житейскомъ отношеніи послѣдствіями. Церковный законъ силенъ авторитетомъ Законодателя, чувствомъ благоговѣнія къ Нему тѣхъ, кто желаетъ жить по Его уставамъ. Членъ церкви при самомъ поступленіи своемъ въ Церковь обязывается свято исполнять Ея уставы, слѣдовать Ея руководству въ вѣрѣ и въ жизни. Для вѣрующаго во Христа, для преданнаго сына Церкви не можетъ быть лучшаго побужденія быть вѣрнымъ данному имъ обѣту, кромѣ самой вѣры его въ божественность Откровенія, въ святость церковныхъ уставовъ. Согрѣшающій противъ правилъ церковныхъ призывается церковною властію къ исправленію, и если своею жизнію свидѣтельствуетъ о своемъ возвращеніи на путь добродѣтели, возстановляется въ церковномъ общеніи. Неисправимый же грѣшникъ, попирающій церковные уставы, самымъ поведеніемъ своимъ показываетъ, что онъ потерялъ вѣру въ Бога и уваженіе къ Его святымъ заповѣдямъ; онъ самымъ дѣломъ отчуждился отъ Церкви и долженъ быть удаленъ изъ нея церковнымъ судомъ. Так. обр. какъ поступленіе въ Церковь

необходимо предполагаетъ со стороны поступающаго обѣтъ свято исполнять Ея уставы, такъ систематическое неисполненіе ихъ и презрительное отношеніе къ нимъ есть явный признакъ его измѣны своему обѣту. Какая же можетъ быть матеріальная гарантія въ такомъ дѣлѣ, которое зиждется на свободномъ убѣжденіи? Можетъ ли она оказать тутъ какую нибудь помощь? Развѣ церковные уставы могутъ сдѣлаться священнѣе въ глазахъ того, кто не хочетъ ихъ признавать и исполнять, отъ того, что они будутъ подтверждены государственнымъ закономъ? Нѣтъ, по самому существу дѣла, церковныя правила могутъ опираться только на одномъ—авторитетѣ божественнаго Законодателя и на вѣрѣ въ ихъ святость и спасительность. Правило религіозной жизни, навязанное отъ имени государства, но не имѣющее для невольнаго исполнителя его авторитета божественности и святости, перестаетъ быть закономъ божественнымъ, оно есть просто законъ государственный.

Въ виду указаннаго сейчасъ свойства церковнаго закона, онъ легко и удобно находитъ себѣ мѣсто подлѣ закона, опирающагося на авторитетѣ государства. Церковный законъ не соперничаетъ съ закономъ государственнымъ, не желаетъ предвосхитить себѣ его положеніе и значеніе. Церковный законъ занимаетъ свое особое, ему только свойственное положеніе; онъ есть законъ особаго порядка, принимаемый и исполняемый свободно, по убѣжденію въ его святости и спасительности. Не представляетъ церковное право для права государственнаго никакой опасности или неудобства еще и потому, что регулиру-

етъ такія отношенія, которыя не касаются прямо благополучія житейскаго, составляющаго задачу государственнаго порядка; оно регулируетъ отношенія, цѣль которыхъ обезпечить человѣку достиженіе вѣчнаго спасенія въ будущей жизни. Получивъ въ свое вѣденіе особую сферу дѣятельности, Церковь не вступается въ область дѣятельности государства, не оспариваетъ у него ни одной изъ его функцій или прерогативъ. Этого мало. Церковь не просто только уважаетъ государство, какъ фактъ, какъ унаслѣдованную отъ временъ древнихъ форму общежитія; она признаетъ государство необходимой формой общежитія, установившейся не случайно, а по волѣ Творца міра и Устроителя всего міропорядка, и освящаетъ его своимъ благословеніемъ (Рим. XIII. 1). Церковь считаетъ государство необходимымъ для защиты людей отъ нападеній внѣшнихъ враговъ и для поддержанія внутренняго порядка въ общежитіи (Лук. III. 14. 1 Петр. II. 14. Рим. XIII. 3. 4). Она признаетъ за государствомъ принадлежащія ему права законодательства по его дѣламъ, управленія и суда за нарушенія его законовъ (1 Петр. II. 14. Рим. XIII. 3—5). Она внушаетъ своимъ членамъ воздавать гражданской власти все должное, все, къ чему обязываетъ долгъ подданства государству, какъ-то: подати и повинности (Мѳ. XII. 21. Рим. XIII. 6. 7), повиновеніе ея распоряженіямъ (1 Петр. II. 13. 14. Рим. XIII. 1—7. Тит. III. 1. 2), почтеніе и уваженіе къ ней (Рим. XIII. 7), вѣрность присягѣ (Tertul. Apol. 32. 33). Она молится сама и чадамъ своимъ заповѣдуетъ приносить молитву за Царя и властей вообще, молится

она о здравіи царя, благоденственномъ житіи, о благопоспѣшеніи во всѣхъ дѣлахъ, объ утвержденіи его власти, объ избавленіи отъ враговъ, о мирномъ правленіи, объ успѣхѣ на войнѣ, объ управленіи народомъ въ правдѣ и пр. (1 Тим. II. 1. 2). Т. обр. Церковь освящаетъ своею заповѣдію авторитетъ власти гражданской. Христіанинъ подчиняется власти гражданской и исполняетъ ея законныя требованія не по одному долгу подданства, а еще болѣе по заповѣди Божіей. „Повинитеся всякому человѣчу созданію Господа ради, говоритъ апостолъ Петръ (1 Петр. II. 13. 14): аще царю, яко преобладающу, аще ли же княземъ, яко отъ него посланнымъ: яко тако есть воля Божія благотворящимъ обуздовати безумныхъ человѣкъ невѣжество. Противляйся власти Божію повелѣнію противляется (Рим. XIII. 2). Отъ исполненія этой воли Божіей не освобождаетъ никакое званіе и состояніе церковное. „Хотя бы ты былъ апостолъ, хотя бы евангелистъ, хотя бы пророкъ, хотя бы другой кто, повинуйся предержащимъ властямъ“, выражается съ свойственною ему духовною силою св. отецъ Церкви Іоаннъ Златоустъ (Бес. 23 на посл. къ Рим.). Не можетъ подать повода къ уклоненію отъ исполненія воли Божіей и иновѣріе государственной власти и личныя качества представителей этой власти. Кто бы ни былъ представитель и носитель государственной власти, язычникъ или магометанинъ, порочный или строптивый человѣкъ, всякому начальству безъ исключенія нужно подчиняться. Подчиненіе и повиновеніе оказывается не лицу, носящему власть, а власти и сану, которыми оно облечено. А всякая

власть отъ Бога (Рим. XIII. 1. 1 Петр. II. 13. 14). Так. обр. принадлежность христіанина къ Церкви Божіей не только не освобождаетъ его отъ обязанностей по отношенію къ государству и отъ послушанія государственной власти, а еще служитъ залогомъ вѣрности гражданскому долгу. Что же еще можетъ быть лучше и полезнѣе для государства?

Оказывая такое вниманіе и уваженіе къ правамъ государства, не въ правѣ ли Церковь ожидать себѣ взаимности и со стороны послѣдняго? За свою поддержку, какую она всегда готова оказать государству въ его дѣятельности, не въ правѣ ли она требовать, чтобы и государство съ своей стороны по кр. мѣрѣ не препятствовало ей устроять свое дѣло—спасенія людей такъ, какъ слѣдуетъ по Ея ученію и законамъ или не стѣсняло ее ревнивымъ контролемъ? Если Церковь заповѣдуетъ, чтобы Кесарю воздавалось Кесарево, то почему же не ждать по справедливости, чтобы и государство не отказывало Богу въ томъ, что Божіе? Конечно, государство понимаемое въ идеѣ, отрѣшенно отъ дѣйствительности, не можетъ оказаться явно несправедливымъ по отношенію къ Церкви, не имѣетъ причины отказать ей въ упомянутомъ справедливомъ требованіи. Но государства, представляемыя дѣйствительною жизнію, далеко не походятъ на государство абстрактное. Онѣ обыкновенно имѣютъ каждое свой національный культъ, и считая его залогомъ своего благополучія, защищаютъ его своимъ авторитетомъ и препятствуютъ распространенію новаго богопочтенія—христіанскаго. Такъ римское государство преслѣдовало христіанъ, какъ самыхъ опас-

ныхъ враговъ своихъ, не смотря на то, что они были вполнѣ вѣрны заповѣди Божіей о почтеніи и уваженіи къ государственной власти, преслѣдовало потому, что они не почитали языческихъ боговъ, считавшихся покровителями государства. Подобнымъ же гоненіямъ подвергаются нерѣдко христіанскіе миссіонеры и послѣдователи христіанства и въ современныхъ языческихъ государствахъ. Мусульманскія государства поставляютъ своимъ высшимъ долгомъ истреблять своихъ подданныхъ, не исповѣдающихъ ислама, а если и оставляютъ ихъ въ живыхъ, то заставляютъ влачить жалкое, приниженное существованіе, безъ правъ гражданства. Въ настоящее время еще можно встрѣтить между образованными не мало такихъ людей, которые желали бы создать государство безъ религіи, безъ богопочтенія. Если бы исполнились ихъ желанія и устроилось гдѣ нибудь государство съ такой оригинальной религіей, то конечно оно не потерпѣло бы у себя распространенія христіанскаго богопочтенія. Какъ показываетъ опытъ, поклонники культа невѣрія не отличаются терпимостію къ чужимъ убѣжденіямъ, особенно религіознымъ. Так. обр. факты дѣйствительной жизни показываютъ, что отъ государства, подданные котораго не просвѣщены свѣтомъ христіанства, христіанской Церкви нельзя ожидать вниманія и уваженія къ себѣ, не смотря на всю политическую безукоризненность ея членовъ. Самое лучшее и большее, чего можетъ достигнуть Церковь въ подобномъ государствѣ, это — положенія терпимой религіи, т. е. положенія соединеннаго съ дозволеніемъ безпрепятственно или по крайней мѣрѣ безъ потери

гражданскихъ правъ ея послѣдователей учить о Богѣ и чествовать Его въ богослуженіи такъ, какъ положено по Ея уставамъ.

Когда подданные какого нибудь государства всѣ или въ большей части обращаются къ вѣрѣ во Христа и становятся членами Церкви, тогда Церковь дѣлается своею для государства и пользуется тою взаимностію сочувствія, на какую она имѣетъ право по своему благожелательному и благодѣтельному отношенію къ государству. Христіанское государство уже не ограничивается тѣмъ, что дозволяетъ Церкви свободно совершать дѣло спасенія людей по своимъ правиламъ, но и само ищетъ у Церкви религіознаго благословенія и освященія въ своихъ дѣйствіяхъ и начинаніяхъ, утверждаетъ своимъ авторитетомъ правила и уставы церковные и возводитъ ихъ так. обр. въ законы государственные, обязываетъ исполнять ихъ подъ страхомъ наказанія, даетъ Церкви матеріальныя и другія средства къ успѣшному достиженію ею своихъ цѣлей, входитъ въ церковныя нужды и издаетъ свои постановленія по разнымъ частямъ церковнаго управленія, обезпечиваетъ служителей Церкви въ средствахъ содержанія, даетъ имъ разныя государственныя привиллегіи и проч. Однимъ словомъ, христіанское государство вступаетъ въ тѣсный союзъ съ Церковію и дѣлаетъ ея религію своею религіей. Въ такомъ государствѣ регуляторомъ правовыхъ отношеній дѣлается не одинъ законъ, но и церковныя правила, тоже въ качествѣ государственныхъ законовъ. Въ такомъ случаѣ церковныя правила, передѣланныя въ законы государственные, вносятся въ сводъ государ-

ственныхъ законовъ. И наоборотъ, государственныя постановленія по дѣламъ церковнымъ вносятся въ сборники дѣйствующаго церковнаго права въ видѣ дополненія къ нимъ и составляютъ одно цѣльное собраніе подъ именемъ номоканона. Въ этомъ именно видѣ установились отношенія между церковію и государствомъ въ византійской имперіи со времени христіанскихъ императоровъ и сохранялись неизмѣнно до конца имперіи. По этому же типу устроились отношенія между церковію и государствомъ и въ нашемъ отечествѣ, каковыя отношенія существуютъ и доселѣ. Рав. обр. и на западѣ византійское же законодательство легло въ основаніе постановленій о государственномъ положеніи религіи, и только впослѣдствіи, подъ вліяніемъ папской системы, это положеніе потерпѣло существенное измѣненіе.

Послѣ заключенія между Церковію и византійскимъ государствомъ тѣснаго союза, для Церкви открылась возможность вліять на государственное законодательство и по вопросамъ, относящимся къ его собственной области, по вопросамъ соціальнымъ и семейнымъ. Конечно Церковь не считала себя призванной рѣшать вопросы соціальной жизни, потому что мірское званіе и состояніе не имѣетъ отношенія къ дѣлу спасенія, которое совершается въ Церкви. Но новый взглядъ на человѣка, высказанный въ ученіи Церкви съ ея точки зрѣнія, съ теченіемъ времени отразился и на соціальныхъ понятіяхъ христіанскаго общества и выразился въ реформахъ соціальнаго строя. Такъ напр. ученіе Откровенія о томъ, что въ Царствѣ Божіемъ, т. е. Церкви не дѣлается

различія между варваромъ и грекомъ, между рабомъ и свободнымъ, между мужчиной и женщиной, что въ Церкви Божіей всѣ люди равны, всѣ братья о Христѣ, всѣ одинаково сподоблены благодати крещенія, всѣ наравнѣ участвуютъ въ богослуженіи и пріобщеніи евхаристіи,—это ученіе и сообразная съ нимъ практика Церкви конечно должны были напоминать людямъ, что не смотря на различное положеніе въ обществѣ и государствѣ они и по природѣ братья между собою. А такое напоминаніе, постоянно повторяемое, рано или поздно должно было повести къ уничтоженію института рабства въ византійскомъ обществѣ, а также семейной и общественной неравноправности мужчины и женщины, что и случилось хотя и не вполнѣ и спустя много времени послѣ распространенія христіанства.—Далѣе, ученіе о томъ, что спасеніе человѣка достигается вѣрою во Христа и добрыми дѣлами, что этому нисколько не помогутъ ни знатность, ни богатство,—это ученіе конечно должно было измѣнить взглядъ на то, въ чемъ заключается истинное достоинство человѣка и что значатъ съ высшей точки зрѣнія земныя преимущества и богатство, а перемѣна понятій должна была отразиться и въ нравахъ общественныхъ.—Христіанство учитъ, что всякій долженъ трудиться и своимъ трудомъ снискивать себѣ пропитаніе, что ремесло и физическая работа не только не унижаетъ человѣка, а есть добрый и честный способъ пріобрѣтенія содержанія (1 Сол. IV. 11. 2 Сол. III. 7—10). Эти и подобныя мысли уничтожили въ понятіяхъ христіанскаго общества различіе между трудомъ благороднымъ и не-

благороднымъ, сняли пятно позора съ черной работы, которымъ она была заклеймена въ языческомъ мірѣ.—Если мы обратимъ вниманіе на семейную жизнь, то здѣсь ученіе Церкви произвело еще болѣе существенную и замѣтную перемѣну сравнительно съ обычаями языческими. По ученію апостольскому, въ бракѣ мужъ и жена соединяются въ плоть едину (Ефес. III. 31). Такое тѣсное единеніе мужа и жены естественно предполагаетъ прочность и неразрывность брачнаго союза. Изъ такого единенія также вытекаетъ необходимо, что жена не можетъ считаться юридически подчиненною мужу, быть ему вмѣсто дочери, какъ было по римскому закону; вытекаетъ, что всѣ семейныя отношенія мужа и жены какъ по отношенію ихъ другъ къ другу, такъ и по отношенію къ дѣтямъ должны быть основаны на началахъ равноправности. Вопреки языческому обычаю, не полагавшему границъ повторенію брачнаго союза, церковная дисциплина и на второй и третій бракъ смотритъ неодобрительно, а четвертаго совсѣмъ не дозволяетъ.... Мы указали для примѣра въ общихъ словахъ нѣсколько выдающихся и общеизвѣстныхъ пунктовъ вліянія христіанскаго ученія и церковной дисциплины на реформу соціальнаго и семейнаго строя въ византійской имперіи со времени признанія христіанства религіей государственной. Намъ кажется, и этихъ общихъ указаній достаточно для того, чтобы видѣть сферу вліянія церкви на законодательство византійскихъ императоровъ по вопросамъ соціальнымъ и семейнымъ. Подробности мы отлагаемъ до будущихъ чтеній. Подробности эти дадутъ намъ болѣе ясное понятіе о томъ,

какой великій переворотъ совершился въ соціальномъ и семейномъ быту византійскаго общества со времени распространенія христіанства. Переворотъ этотъ совершался медленно, почти до самого конца византійской имперіи. Церковь дѣйствовала въ этомъ дѣлѣ болѣе своимъ ученіемъ, просвѣщеніемъ, нравственнымъ вліяніемъ, чѣмъ положительными настояніями. Она во многихъ случаяхъ мирилась до времени съ несовершенствами гражданскихъ законовъ и терпѣливо ждала, когда государственная власть приведетъ тотъ или другой правовый институтъ въ согласіе съ началами христіанскаго общежитія.

Наше отечество долгое время по принятіи христіанства составляло въ церковномъ отношеніи часть константинопольскаго патріархата и управлялось митрополитами, посылавшимися изъ Константинополя. Естественно поэтому, что у насъ вмѣстѣ съ христіанствомъ были насаждены и тѣ начала гражданственности, которыя были выработаны византійской цивилизаціей подъ вліяніемъ Церкви. Весь семейный, общественный и государственный укладъ въ нашемъ отечествѣ есть плодъ этого насажденія. Въ нѣкоторыхъ сферахъ общежитія, особенно въ области семейной, Церковь сама непосредственно проводила начала церковно-византійской гражданственности, въ другихъ она дѣйствовала чрезъ государство, указывая ему на достойный подражанія образецъ византійскаго „благовѣрнаго житія“, на законы благочестивыхъ царей, помѣщавшіеся въ кодексѣ церковныхъ законовъ — въ Кормчей книгѣ. Главныя основы византійскаго общежитія, усвоеннаго нами съ Кормчей книгой, сохраня-

ютъ свою силу и доселѣ и служатъ краеугольнымъ камнемъ семейнаго, общественнаго и государственнаго строя нашего отечества. Процессъ усвоенія нашею жизнію и нашими законами началъ византійскаго общежитія не менѣе интересенъ и важенъ для образованнаго юриста, чѣмъ процессъ реформы римскаго общественнаго строя подъ вліяніемъ христіанства. И мы съ своей стороны, насколько касается нашего предмета, постараемся въ свое время сдѣлать надлежащія историческія указанія въ этомъ отношеніи.

Тоже явленіе съ насажденіемъ и развитіемъ гражданственности, какое мы замѣтили въ нашемъ отечествѣ, имѣло мѣсто, только прежде чѣмъ у насъ, и въ западной европѣ. И у германскихъ народовъ въ основаніе гражданственности было положено греко-римское право. И здѣсь насадительницей византійской цивилизаціи была Церковь, которая передала новопросвѣщеннымъ народамъ запада источники греко-римскаго права и проводила въ жизнь содержавшіяся въ нихъ нормы. Очень жаль только, что римская церковь злоупотребила своимъ высокимъ положеніемъ просвѣтительницы, присвоила себѣ право законодательства въ дѣлахъ свѣтскаго характера и такимъ образомъ посягнула на автономію государства въ его собственной сферѣ, вопреки прямой заповѣди Спасителя и апостоловъ: воздадите Кесарево Кесареви, а Божіе Богови, и нѣсть власть, аще не отъ Бога. Этими неумѣстными притязаніями своими католическая церковь возбудила въ государствѣ предубѣжденіе и даже враждебныя чувства къ себѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ко всему христіанству. Результатомъ этого была реакція

противъ папскаго абсолютизма въ пользу автономіи государства въ его собственныхъ дѣлахъ. Само по себѣ, въ извѣстныхъ предѣлахъ, это стремленіе государства къ автономіи естественно и законно. Но такъ какъ оно пробудилось подъ вліяніемъ раздраженія на неумѣстныя папскія притязанія, то оно само ударилось въ крайность, выродилось въ болѣзненную нетерпимость ко всякому вліянію церкви на дѣла общественныя. Такъ называемое новое государство поставило себѣ задачей порвать по возможности всѣ нити, связующія его съ церковію, и изолировать себя отъ вліянія религіозныхъ началъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оно почти уже достигло своей цѣли, въ другихъ съ успѣхомъ достигаетъ ея. Чрезъ знакомство съ западной наукой это направленіе пересаживается и въ нашу юридическую литературу и даже иногда пытается проникнуть, подъ разными предлогами и прикрытіями, и въ наше законодательство. Нельзя безусловно осуждать западныя государства за указанное направленіе ихъ политики по отношенію къ церкви. Они держатся ея въ видахъ защиты собственной автономіи, и если нерѣдко идутъ въ этомъ направленіи далѣе, чѣмъ бы слѣдовало, то по крайней мѣрѣ имѣютъ нѣкоторое оправданіе своего увлеченія въ обстоятельствахъ жизни. Но справедливо ли ставить такое направленіе, проистекающее изъ временныхъ и мѣстныхъ обстоятельствъ, въ образецъ, которому обязано подражать всякое вообще государство, хотя бы въ немъ не было подобныхъ обстоятельствъ? Умѣстно ли копировать чужіе порядки безъ дѣйствительной надобности и съ сомнительной поль-

зой? Едва ли возможно перестраивать государство по абстрактной теоріи, получившей силу въ то или другое время, игнорируя историческія основы его бытія. Конкретное государство есть живой организмъ, необходимо имѣющій особенности въ сравненіи съ другими подобными же организмами,— которыми опредѣляется складъ и характеръ его жизни. А живой организмъ можетъ усвоять себѣ съ пользою только то, что сродно его складу и что можетъ удовлетворить его потребностямъ и привычкамъ. Если мы станемъ на точку зрѣнія дѣйствительныхъ жизненныхъ потребностей государства, то должны будемъ отказать въ универсальномъ значеніи и практической пригодности указаннаго выше направленія, усвоеннаго т. н. новымъ государствомъ.

Католическая церковь во многомъ не похожа на православную Церковь, къ которой принадлежимъ мы съ вами; о ней можно сказать словами апостола: отъ насъ изыдоша, но не бѣша отъ насъ. Поэтому нельзя переносить чувствъ, которыя возбуждаетъ въ современномъ человѣчествѣ своими неумѣстными притязаніями католическая церковь, на православную Церковь. Православная Церковь никогда не стремилась и не стремится не только къ господству, но и къ неумѣстному вмѣшательству въ дѣла общественныя. Она готова служить благу общества и государства, она скорбитъ скорбями общества, радуется его радостями; она готова помочь обществу въ его нуждахъ и бѣдствіяхъ всѣмъ, чѣмъ можетъ, не только молитвами, но и другими способами. Она нерѣдко несла и теперь несетъ разныя порученія, которыя возлага-

ется на нее общество и государство. Было напр. время, когда православная Церковь пользовалась правомъ убѣжища для обидимыхъ и притѣсняемыхъ и давала имъ защиту отъ проявленій произвола и насилія. Было время, когда пастыри Церкви разбирали тяжбы въ качествѣ третейскихъ судей по обоюдному желанію тяжущихся, ходатайствовали предъ высшимъ правительствомъ о помилованіи или облегченіи участи опальныхъ и преступниковъ, наблюдали за дѣйствіями мѣстныхъ гражданскихъ начальниковъ и доносили объ ихъ злоупотребленіяхъ императору, принимали подъ свое покровительство лицъ притѣсняемыхъ и обидимыхъ въ гражданскихъ судахъ и принимали мѣры къ ихъ безопасности и удовлетворенію ихъ справедливыхъ требованій, были посредниками въ разрѣшеніи и прекращеніи распрей и неудовольствій между гражданами и мѣстными правителями,—наблюдали за состояніемъ тюремъ и принимали жалобы отъ заключенныхъ на притѣсненія и медленность правосудія, завѣдывали всѣми благотворительными заведеніями, принимали участіе въ судьбѣ сирыхъ, бѣдныхъ, умалишенныхъ и всѣхъ несчастныхъ,—входили во всѣ подробности городскаго хозяйства и управленія, именно—участвовали въ выборѣ городскихъ чиновниковъ, и вмѣстѣ съ почетными гражданами повѣряли ежегодные отчеты по городскому управленію, наблюдали, чтобы городскія повинности отправлялись законнымъ порядкомъ, безъ стѣсненія гражданъ, чтобы не было злоупотребленій и притѣсненій при сборѣ податей и денежныхъ повинностей...., надзирали за городскими увеселеніями и зрѣлищами и пр.... Всѣ

эти и подобныя имъ права и обязанности пастырей Церкви конечно отнимали у нихъ много дорогаго времени и причиняли много хлопотъ и заботъ. Пастыри церкви чувствовали тяжесть этихъ обязанностей, но терпѣливо и ревностно исполняли ихъ, изъ желанія помочь государству въ его заботахъ и сдѣлать добро тѣмъ, кто не находилъ себѣ управы и защиты у органовъ правительства. Когда же государство пришло къ сознанію, что оно само можетъ управиться съ своимъ дѣломъ и нашло нужнымъ освободить епископовъ отъ заботы о пользѣ общественной, послѣдніе должны были примириться съ этимъ лишеніемъ безъ особеннаго сожалѣнія. Конечно съ освобожденіемъ епископовъ отъ указанныхъ обязанностей по отношенію къ обществу гражданскому уменьшилось т. е. внѣшнее вліяніе ихъ на дѣла общественныя, но эти перемѣны не коснулись внутренней сферы вліянія церкви на государство, которая имѣетъ болѣе существенное значеніе. Такъ называемое новое государство посягаетъ именно на эту сферу и здѣсь-то хочетъ произвесть разрывъ между церковію и государствомъ.

Стоитъ пожалѣть объ этомъ стремленіи, когда оно ничѣмъ не вызывается, а проводится во имя теоріи, по данному со стороны шаблону. Церковь конечно можетъ отправлять свои прямыя обязанности, можетъ достигать своей цѣли и въ томъ случаѣ, если бы осуществилось это стремленіе. Исторія представляетъ намъ примѣръ подобнаго положенія православной Церкви въ государствѣ, изъ котораго она вышла со славою. Но у насъ дѣло идетъ не о Церкви и ея пользахъ, а о государствѣ и его интересахъ. Что же мо-

жетъ выиграть само государство съ достиженіемъ того порядка вещей, который рекомендуется теоріей новаго государства? Какой можетъ быть серьезный мотивъ желать и стремиться къ отдѣленію государства отъ вліянія Церкви на дѣла общественныя? Мы видѣли въ общихъ чертахъ опытъ вліянія Церкви и церковной дисциплины на реформу семейнаго и соціальнаго строя въ византійской имперіи. Что же? Развѣ можно назвать это вліяніе вреднымъ или нежелательнымъ съ точки зрѣнія справедливости и прогресса? Если же это вліяніе было весьма плодотворно и съ гуманной точки зрѣнія, какъ признали всѣ изслѣдователи по исторіи византійскаго права, то какое основаніе устранять это вліяніе въ настоящее время? Или это вліяніе стало излишнимъ при настоящемъ состояніи образованія? Но такъ думать значило бы разсуждать подобно человѣку, который, видя лѣтомъ роскошную растительность, вообразилъ бы себѣ, что теперь нѣтъ для нея надобности въ солнцѣ. Если же солнечный свѣтъ и теплота нужны не только для возникновенія и развитія растительности, но и для поддержанія ея жизни, то это же самое нужно сказать и о значеніи христіанскаго ученія для развитой общественной жизни. Безъ плодотворнаго вліянія христіанской вѣры и любви не можетъ быть здороваго роста и жизни въ общественномъ организмѣ. Гдѣ тотъ источникъ жизни, откуда общественное развитіе могло бы почерпать для себя силу? Естественное право? Но естественное право знали не менѣе насъ и классическіе народы, однако же это не мѣшало имъ попирать безъ всякаго стѣсненія естественныя права человѣка. Какое

же ручательство за то, что этого не можетъ повториться и на будущее время? Естественное право понятно и симпатично намъ, когда дѣло касается насъ; если же дойдетъ дѣло до васъ, то мы относимся къ нему холодно и скептически. Какъ можно сравнивать даже съ точки зрѣнія общественнаго развитія положенія естественнаго права съ высокими и плодотворными нравственными началами, возвѣщенными христіанствомъ? Повторяемъ вопросъ: Есть ли государству какая нибудь надобность сторониться отъ Церкви? Напротивъ, не получаетъ ли общество и государство много существенныхъ выгодъ отъ дружелюбнаго общенія съ Церковію?

Еще въ древности сравнивали государство съ тѣломъ, а Церковь съ душой. Это справедливо не только въ томъ смыслѣ, что Церковь устрояетъ спасеніе душъ человѣческихъ, а государство заботится о внѣшнемъ благополучіи людей, а и въ томъ, что Церковь вноситъ духъ жизни въ сухой правовый государственный организмъ, даетъ нравственную опору всему правовому порядку, устрояемому государствомъ. Для поясненія дѣла возмемъ нѣсколько частностей. Государство обязано обезпечить правовый порядокъ и обезопасить жизнь и благополучіе своихъ подданныхъ. Для этого оно кромѣ предупредительныхъ мѣръ употребляетъ карательныя—судъ и наказаніе. Конечно уголовное наказаніе есть крайняя мѣра, вынуждаемая необходимостію. Было бы лучше для государства, если бы ему не приходилось судить и наказывать преступниковъ. Объ этомъ-то лучшемъ заботится Церковь съ своими правилами и покаянной

дисциплиной и во многихъ случаяхъ достигаетъ цѣли. Истинный христіанинъ не можетъ быть ни воромъ, ни разбойникомъ, ни другимъ уголовнымъ преступникомъ. И было такое вожделѣнное время въ исторіи Церкви, когда въ средѣ ея членовъ не было и слуху объ уголовныхъ преступленіяхъ. Если же члены Церкви и впадаютъ въ подобныя преступленія, то Церковь старается обратить ихъ на путь раскаянія и добрыхъ дѣлъ, и во многихъ случаяхъ успѣваетъ въ своихъ усиліяхъ, а нераскаянныхъ грѣшниковъ отлучаетъ отъ своего общенія. Внѣ всякаго сомнѣнія, что церковная покаянная дисциплина имѣетъ большое значеніе для уменьшенія количества уголовныхъ преступниковъ. Намъ кажется, что государство могло бы воспользоваться этой дисциплиной и въ томъ смыслѣ, чтобы уменьшить количество лицъ, привлекаемыхъ на скамью подсудимыхъ за свои преступленія. Кажется, не было бы никакого ущерба для государственнаго порядка, если бы государство обыкновенныхъ преступниковъ, кромѣ отъявленныхъ злодѣевъ, отдавало сначала Церкви для исправленія, и только въ случаѣ нераскаянности подвергало ихъ уголовному наказанію. Вѣдь существовало же правило въ русской Церкви относительно клириковъ, чтобы при первомъ уголовномъ преступленіи наказывать ихъ церковнымъ наказаніемъ, и только при повтореніи того же или другаго преступленія полагать кромѣ церковнаго и уголовное наказаніе. При такомъ порядкѣ суда, вѣроятно половина преступниковъ, судимыхъ уголовнымъ судомъ, и по этому случаю содержимыхъ въ тюрьмахъ, тамъ развращающихся и потому

высылаемыхъ изъ общества, исправлялась бы и оставалась въ обществѣ. Но и при настоящей системѣ наказанія за уголовныя преступленія, церковная епитимія служитъ хорошимъ коррективомъ къ уголовному наказанію. Въ тѣхъ случаяхъ, когда церковная епитимія налагается вмѣстѣ съ уголовнымъ наказаніемъ, она служитъ дополненіемъ къ нему, имѣющимъ въ виду пробудить совѣсть преступника и вмѣстѣ облегчить ее. Когда же церковная епитимія назначается одна безъ уголовнаго наказанія, тогда она имѣетъ цѣлію исправить преступника и предостеречь его отъ новыхъ грѣховныхъ и преступныхъ паденій. Намъ кажется, въ этомъ порядкѣ вещей нѣтъ ничего не удобнаго, а тѣмъ болѣе вреднаго для государства, наоборотъ несомнѣнно отъ него происходитъ много полезнаго въ смыслѣ поддержанія добрыхъ нравовъ между гражданами. Поэтому нельзя не удивляться тому, что новый нашъ проэктъ уголовныхъ наказаній совсѣмъ игнорируетъ церковную епитимію, глухо называя ее несостоятельной мѣрой взысканія. Даже и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ по существу дѣла является надобность обратиться къ мѣрамъ исправленія, напр. при судѣ надъ малолѣтними преступниками, новый проэктъ предпочитаетъ отсылать такихъ преступниковъ въ гражданское исправительно-воспитательное заведеніе или, за неимѣніемъ его, даже въ тюрьму — эту прославленную школу преступленій,— чѣмъ къ церковно-покаянной дисциплинѣ, игнорируя, что лучшія нравственно-исправительныя средства находятся въ распоряженіи Церкви.—Церковное покаяніе бываетъ у мѣста и въ томъ случаѣ, когда пре-

ступнику назначается смертная казнь. Здѣсь, предъ лицемъ смерти, иногда совѣсть преступника пробуждается съ особенною силою и является живѣйшая потребность въ религіозномъ утѣшеніи. При этомъ случаѣ со всею наглядностію и поразительностію обнаруживается характерное различіе между уголовнымъ наказаніемъ и церковно-покаянной дисциплиной. Преступникъ, которому предстоитъ поплатиться своею жизнію за содѣянное преступленіе по приговору уголовнаго суда, отъ судьи духовнаго получаетъ прощеніе своего грѣха ради искренняго раскаянія въ немъ и отходитъ въ будущую жизнь въ мирѣ съ Церковію и Богомъ. Еще. Государство, говоритъ проэктированный уголовный законъ, „караетъ уголовно за дѣянія, запрещенныя закономъ въ моментъ совершенія дѣянія подъ страхомъ наказанія". Какъ видите, уголовный законъ оставляетъ въ сторонѣ основанія, по которымъ тѣ или другія дѣянія входятъ въ число запрещенныхъ; потомъ, законъ этотъ въ самой формулировкѣ своей даетъ понять, что онъ имѣетъ значеніе условное, не сегодня — завтра можетъ измѣниться такъ или иначе, не только въ своихъ частностяхъ, но, быть можетъ, и въ своихъ основахъ, смотря по обстоятельствамъ. Между тѣмъ, на ряду съ уголовнымъ закономъ стоитъ церковная дисциплина, которая основывается на законѣ Божіемъ и наказываетъ нарушенія заповѣдей Божіихъ. Здѣсь, какъ видите, гораздо болѣе надежная основа для сужденія о дѣйствіяхъ человѣка. Что же? Полезно или вредно для государства то обстоятельство, что церковная дисциплина обращаетъ человѣка къ закону божественному, окружен-

пому въ его представленіи ореоломъ святости и непрекаемости, и потому имѣющему особенный авторитетъ для него? Полезно или вредно для государства, что Церковь оцѣниваетъ всѣ дѣйствія человѣка съ точки зрѣнія не человѣческаго, а божественнаго закона? Безъ всякаго сомнѣнія, это — великое счастіе для государства, что его граждане еще съ дѣтства получаютъ отъ Церкви понятіе о нравственномъ законѣ, постоянно слышатъ отъ нея напоминанія объ обязанности дѣлать добро, любить ближнихъ и такимъ образомъ постепенно воспитываются въ чувствахъ добродѣтели и страха Божія. На этой основѣ нравственнаго закона опирается и уголовный законъ съ его наказаніями какъ примѣненіе его къ пользамъ общежитія. Не будь этой основы въ умахъ и сердцахъ гражданъ, уголовный законъ сталъ бы зданіемъ, построеннымъ на пескѣ, не имѣющимъ твердой точки опоры противъ разрушительныхъ теченій въ умственной атмосферѣ. — Семья всегда и всѣми признавалась и признается основою устойчивости человѣческаго общежитія. Въ христіанскія времена семейный союзъ, какъ мы уже замѣтили, перестроенъ на новыхъ высшихъ нравственно-религіозныхъ началахъ и получилъ чрезъ религіозное освященіе брака новую силу и прочность. И что же? Находятся теоретики, которые готовы совѣтовать государству лишить бракъ и семейную жизнь религіозной опоры и низвести брачный союзъ на степень простой гражданской сдѣлки; со всѣми послѣдствіями такого порядка вещей. Хорошъ ли этотъ совѣтъ, понятно само собою. — Государство считаетъ въ числѣ своихъ обязанностей заботу о матеріальномъ

благосостояніи народа. Но благосостояніе много зависитъ отъ добрыхъ нравовъ гражданъ, которые воспитываются Церковію. Напр. учрежденіе обществъ трезвости, если бы онѣ развились по иниціативѣ и подъ руководствомъ приходскаго духовенства, принесли бы гораздо болѣе пользы благосостоянію народа, чѣмъ многія другія мѣропріятія взятыя въ совокупности.— Для государства, призваннаго наблюдать вездѣ справедливость, конечно дѣло первой важности, чтобы его органы, судьи и правители, исполняли свой долгъ честно, добросовѣстно, самоотверженно, чтобы и граждане исполняли свои обязанности по отношенію къ государству по совѣсти. Но государство само, безъ содѣйствія Церкви, не въ состояніи обезпечить себя такими лицами; чувства чести, долга, добросовѣстности воспитываются главнымъ образомъ Церковію.—Наконецъ чувства почтенія, уваженія и преданности къ самой государственной власти постоянно возгрѣваются въ насъ ученіемъ Церкви, которая внушаетъ намъ, что государственная власть установлена отъ Бога, и поэтому вмѣняетъ намъ въ священную обязанность почтеніе и послушаніе къ ней, предваряя, что неисполненіе этой заповѣди Божіей есть великій грѣхъ предъ Богомъ.—Говоря вообще, человѣкъ, воспитанный въ вѣрѣ въ Бога и въ правилахъ жизни, проповѣдуемыхъ православною Церковію, представляетъ изъ себя лучшаго во всѣхъ отношеніяхъ, самаго исправнаго и благонадежнаго гражданина. Можно ли же не уважать государству Церкви, воспитывающей ему такихъ прекрасныхъ гражданъ? Можно ли не оказывать вниманія церковнымъ правиламъ и уста-

вамъ, столь благодѣтельнымъ для гражданскаго общежитія?

Новое государство, пріобрѣтши себѣ самостоятельность въ своихъ дѣлахъ, не остановилось на этомъ, а еще присвояетъ себѣ право законодательства въ дѣлахъ церковныхъ. Оно нашло себѣ годную почву для примѣненія этого порядка вещей въ протестантскихъ странахъ. Тамъ этотъ порядокъ возможенъ, такъ какъ протестанская христіанская община не имѣетъ іерархической организаціи, свойственной Церкви Христовой и легко и охотно мирится съ верховенствомъ государства въ религіозныхъ дѣлахъ. Съ устройствомъ же православной Церкви такое притязаніе государства совершенно несовмѣстимо. Въ православной странѣ государство можетъ самостоятельно устроять только внѣшній бытъ Церкви и духовенства; въ вопросахъ же, касающихся церковнаго устройства, управленія и суда, оно руководится въ своихъ постановленіяхъ каноническими нормами, установленными церковною властію на вселенскихъ и помѣстныхъ соборахъ. Да и въ устроеніи внѣшне-правовыхъ отношеній православное государство, по чувству уваженія къ Церкви, безъ крайней надобности не отступаетъ отъ установившихся вѣками порядковъ и обычаевъ, „отъ благовѣрнаго житія древнихъ благочестивыхъ царей“.

Вотъ, мм. гг., общія понятія о церковномъ правѣ и его отношеніи къ общей системѣ права, которыя намъ нужно принять къ свѣденію на первый разъ, и имѣть въ виду при нашихъ дальнѣйшихъ занятіяхъ по церковному праву. Повторимъ ихъ въ общихъ чертахъ. Церковь Христова есть особый религіозно-пра-

вовый организмъ, стоящій въ общежитіи на ряду съ государственнымъ организмомъ, имѣющій свою особую задачу, которой не можетъ исполнить ни одинъ изъ существующихъ въ государствѣ правовыхъ институтовъ, свое самостоятельное происхожденіе и существованіе, свой законъ и свою правительственную организацію. Не смотря на свою самостоятельность, Церковь ни въ какомъ отношеніи не соперничаетъ съ государствомъ, напротивъ относится съ полнымъ уваженіемъ къ автономіи государства въ его дѣлахъ и своимъ авторитетомъ освящаетъ дѣятельность государства, его правительственную и законодательную власть въ дѣлѣ устроенія гражданскаго благополучія людей. Въ государствахъ иновѣрныхъ или несочувственно настроенныхъ Церковь можетъ существовать и безъ правительственной поддержки. Во христіанскомъ православномъ государствѣ естественно установляется миролюбивый союзъ, по которому Церковь получаетъ покровительство со стороны государства, поддержку въ своей дѣятельности и пріобрѣтаетъ благопріятное правовое положеніе въ государствѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и государство пріобрѣтаетъ въ ученіи и дисциплинѣ церковной, въ томъ настроеніи, какое воспитывается въ гражданахъ церковною властію, твердую опору для своего авторитета и живѣйшую помощь въ своей правительственной дѣятельности. Стремленіе новаго государства устранить Церковь отъ просвѣтительнаго и нравственно-созидательнаго вліянія на дѣла общественныя не оправдывается правильно-понятыми пользами государства.

2007042008